

Алексей Конаков

Убывающий мир: история
«невероятного» в позднем СССР

Алексей Конаков

**Убывающий мир: история
«невероятного» в позднем СССР**

«ВЕБКНИГА»

2022

УДК 316.723
ББК 60.52

Конаков А.

Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР /
А. Конаков — «ВЕБКНИГА», 2022

ISBN 978-5-60-453838-8

Поразительное разнообразие «невероятных феноменов» в СССР - характерная черта эпохи застоя. Идеи о скрытых резервах тела и тайных способностях мозга, о поисках снежного человека и о контакте с внеземными цивилизациями захватывали воображение множества советских граждан. Впрочем, в этой книге исследователь позднесоветской культуры и литературы Алексей Конаков изучает не столько «невероятные феномены» сами по себе, сколько особый дискурс о «невероятном» - историческая траектория которого удивительным образом совпала со становлением и упадком советской технической интеллигенции и советского технооптимизма в целом.

УДК 316.723
ББК 60.52

ISBN 978-5-60-453838-8

© Конаков А., 2022
© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

Пролог. «Советское невероятное»	6
Меридиан «А» (имени М. М. Агреста)	15
Глава 1. Софт-милитантность «невероятного»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Конаков

Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР

В оформлении обложки использована картина художника Виталия Лукьянца «Петрозаводское диво», впервые напечатанная в журнале «Техника – молодежи» в 1980 году.

Все права защищены

© Алексей Конаков, текст, 2022

© Андрей Кондаков, макет, 2022

© Музей современного искусства «Гараж», 2022

* * *

Пролог. «Советское невероятное»

Данная работа представляет собой попытку реконструировать и описать один довольно специфический дискурс – дискурс о «невероятном» (или просто «советское невероятное»). Дискурс этот хорошо знаком любому, кто специально интересовался советским прошлым или просто жил в то время и помнит постоянные разговоры об экстрасенсах, йогах, внеземных цивилизациях, снежном человеке, Тунгусском метеорите и т. д. Граждане СССР активно обсуждали подобные темы, и такой интерес, с одной стороны, кажется курьезным и маргинальным, а с другой стороны, явно указывает на что-то важное – и в социальном устройстве, и в политической ситуации, и в идеологическом климате эпохи. В качестве особого, внятно очерченного феномена «советское невероятное» начало складываться почти сразу после Великой Отечественной войны, широко распространилось во время хрущевской оттепели, стало более изощренным и разнообразным в период брежневского застоя и достигло пика популярности вместе с горбачевской перестройкой; таким образом, оно присутствовало в жизни советского общества на протяжении всего исторического периода позднего социализма. Как следствие, культурная продукция тех лет оказалась буквально начинена многочисленными фрагментами этого дискурса: в повести советского прозаика возникают тайны Атлантиды, в стихах советского поэта мелькает летающая тарелка, страницы известного журнала хранят жар дискуссий о снежном человеке, во всенародно любимых кинокартинах запросто упоминают телепатию, а по центральному телевидению демонстрируют фильмы про индийских йогов, кожное зрение и загадку мумий.

Выбранное нами название дискурса неслучайно – оно должно отсылать к знаменитой научно-популярной телепередаче «Очевидное – невероятное», выходившей с 1973 года. Главной целью «Очевидного – невероятного» было научное просвещение телезрителей; передачу вел доктор физико-математических наук Сергей Капица (сын нобелевского лауреата, академика АН СССР Петра Капицы), и начиналась она с цитаты из Пушкина: «О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг...». При этом в студии периодически обсуждались довольно рискованные (и не очень близкие к строгой науке) темы вроде тайны Бермудского треугольника, собеседниками Капицы могли стать и поклонник телепатии Александр Спиркин, и исследователь НЛО Владимир Ажажа, а для музыкального сопровождения использовалась мелодия из нашумевшего западно-германского документального кинофильма «Воспоминания о будущем», посвященного палеовизиту (теории о посещении инопланетянами Земли в древнейшие времена) в версии Эриха фон Дэникена. Созданное на заре развитого социализма, «Очевидное – невероятное» несло на себе характерный отпечаток эпохи: ультрасовременный (телевизионный!) просветительский проект, довольно деликатный по отношению к слушателям (если сравнивать с напором первых сталинских лекторов из общества «Знание»), призванный организовать культурный досуг (проблема, обнаружившая себя после введения в СССР пятидневной рабочей недели в 1967 году¹) – и в связи с этим почти неизбежно сползающий в «занимательность», начинающий причудливо сочетать информацию о несомненных научных достижениях с разнообразными пара- и псевдонаучными «загадками» и «тайнами», легко увлекающими аудиторию. В перестройку именно такое сочетание общего просветительского пафоса и нездоровой сенсационности отдельных сюжетов объявят характерной чертой застоя; и хотя перестроечные клише о «режиме максимального благоприятствования», которым якобы пользовались в период застоя скандальные темы (экстрасенсы, снежный человек, чудовище озера Лох-Несс и не в последнюю

¹ Ушакин С. Сервантики застоя: о красоте и пользе советского вещизма. // Это было навсегда. Гос. Третьяковская галерея. – М., 2020. С. 78–80.

очередь НЛО)»², вряд ли справедливы, сами по себе дискуссии и споры о «невероятных феноменах» вроде снежных людей и летающих тарелок действительно были важной особенностью позднесоветской жизни.

Впервые сталкиваясь с публичным бытованием всех этих «невероятных феноменов», трудно избежать некоторого замешательства и растерянности перед их *поразительным многообразием*. Пучины морей, вершины гор, глубины космоса, потемки древних цивилизаций, скрытые резервы тела и тайные способности мозга – каждый раз, когда речь заходит о «невероятном», оно изумляет именно своей пестротой и изобилием. Такое изобилие заразительно; кажется, даже самое случайное прикосновение к этому дискурсу тут же влияет на синтаксис пишущего, заставляет монотонно перечислять «загадки», нанизывать друг за другом однородные члены предложения: «Я готов принять, что есть на свете явления, которые трудно объяснить. Что такое, например, шаровая молния, явление Фединга, Тунгусский метеорит, телепатия...», – перебирает слова Виктор Некрасов³; «Я вспоминаю мифы нашего времени: Снежный человек. Сигналы из Вселенной. Тунгусский метеорит. Каналы Марса. Телепатия. Атлантида», – ведет счет Даниил Гранин⁴; «Есть вещи, о которых до сих пор писать было как-то не принято, но о которых знали все. Вы когда-нибудь лечились у экстрасенса? Ну не вы, так ваш родственник? Не пытались спасти свое здоровье, питаясь исключительно сырой капустой или выливая поутру на голову ушат ледяной воды? Не слушали затаив дыхание о звездных пришельцах, снежных людях и знаменитой Джуне, “воскрешавшей” почти из небытия наших престарелых руководителей? Не пытались на отдыхе в горах вступить в “энергетический контакт” с космосом? Не стремились постичь оккультную загадочность “Ста веков” Глазунова – что это, пророчество или, наоборот, прозрение в глубины прошлого? Я не верю, чтобы в интеллигентной компании не оказалось хотя бы одного йога или поклонника ушу», – описывает разнообразие «невероятного» религиовед Борис Фаликов⁵. Здесь же надо добавить, что почти любое понятие в «советском невероятном» имело множество версий и вариантов. «Дыхание» могло быть «дыханием индийских йогов», «дыханием по Стрельниковой», «дыханием по Бутейко» и «дыханием по Гневушеву». «Вода» оказывалась «магнитной водой» Вилли Классена, «заряженной водой» Аллана Чумака, ледяной водой Порфирия Иванова и «поливодой» Бориса Дерягина. Что же касается Тунгусского метеорита, то количество гипотез, объясняющих это явление, к началу семидесятых составляло более полусотни.

Но как изучать столь пестрое множество тем? Можно ли объединять эти темы в рамках одного исследовательского поля? Есть ли что-то минимально общее между шаровой молнией и сырой капустой, снежным человеком и летающими тарелками, Джуней и каналами Марса? И как найти это общее, если оно действительно существует? (Если же его нет, то на каком основании предлагается реконструировать *единый дискурс* о «советском невероятном»?)

Удобным инструментом для разрешения подобной ситуации может оказаться концепция «семейных сходств», предложенная Людвигом Витгенштейном: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем “играми”. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что общего у них всех? – Не говори: “В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы играми”, но присмотришься, нет ли чего-нибудь общего для них всех. – Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. <...> Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темпера-

² Платов Ю., Рубцов В. НЛО и современная наука. – М.: Наука, 1991. С. 64.

³ Некрасов В. Случай на Мамаевом кургане. // Новый мир, № 12, 1965. С. 49.

⁴ Гранин Д. Месяц вверх ногами. // Собрание сочинений. Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1979. С. 226.

⁵ Фаликов Б. Неомистицизм в СССР. // На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989. С. 478.

мент и т. д. и т. п. – И я скажу, что “игры” образуют семью»⁶. По нашему мнению, многочисленные «невероятные феномены», широко обсуждавшиеся публикой в позднем СССР, образовывали *связное дискурсивное поле* именно благодаря таким «переплетающимся сходствам». Отыскав эти сходства, можно отличить «советское невероятное» от всего остального и, соответственно, выделить его в качестве особой исследовательской области. «Не думай, смотри!»⁷ – требует Витгенштейн; внимательно всматриваясь в «невероятное», сравнивая между собой моржевание и веру в инопланетян, поиски йети и изучение телекинеза, фитотерапию и страх перед полтергейстом, мы обнаруживаем «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом»⁸. Собственно, основная цель нашего исследования состоит именно в том, чтобы описать эту «сложную сеть подобий», организующую «советское невероятное» как особую семью. «Семью идей», в которой есть свои патриархи и свои бастарды, ближайший круг и далекие кумовья, великолепные браки и подозрительные мезальянсы; семью, разбросанную во времени и пространстве, но всегда объединенную множеством «фамильных черт», передающихся самым разным образом – то от отца к сыну, а то от дяди к племяннику.

И одна из главных загадок этой многочисленной семьи связана с ее *популярностью* – значительной уже в пятидесятые годы, еще более высокой в шестидесятые-семидесятые и поставившей настоящие рекорды в конце восьмидесятых. Действительно, в силу каких причин возник (и сохранялся на протяжении четырех десятилетий) интерес советского общества к «невероятному»? Почему граждан эпохи позднего социализма так привлекали нездешние тайны телепатии и Атлантиды? И почему на самом излете СССР многие хорошо образованные люди стали вдруг посещать целителей и «заряжать воду» на телесеансах Аллана Чумака?

На такие вопросы неоднократно пытались отвечать, и вот несколько популярных ответов (являющихся на самом деле вариациями одной и той же идеи): «Многолетнее господство натурализма, который в советский период был ориентирован на философию диалектического материализма, породило реакцию – тоску по духовному, жажду веры»⁹, «падение коммунистической идеологии (являвшейся, по выражению Питирима Сорокина, светской религией) привело к образованию у советского человека духовного вакуума, аномии, чувства опустошенности, которые заполняются не только деятельностью различных религиозных институций, но и за счет умножения моделей мира альтернативными науке истолкованиями»¹⁰, «оккультное возрождение должно рассматриваться прежде всего как следствие семи десятилетий принудительного подавления метафизического мышления в России. Духовный вакуум, вызванный падением Коммунизма, вместе с традиционно сильной склонностью к вере помогает объяснить влияние убеждений, не связанных с общепринятыми религиями»¹¹.

Что не так с этими ответами?

Дело в том, что перед нами абсолютно *метафизические объяснения*. По сути, здесь заново используется старинная (восходящая через Рабле к Аристотелю) натурфилософская максима *Natura abhorret vacuum*: как вода, «боясь» пустоты, идет за поршнем насоса, так и советские граждане, утратив вдруг идею коммунизма, бросаются заполнять идеологический вакуум агни-йогой и летающими тарелками. Очевидно, эта странная «вакуумная» теория «невероятного» вряд ли может быть признана вполне удовлетворительной. Очевидно и то, что теоретическое основание подобных частных интерпретаций нужно искать в более общей мысли-

⁶ Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. С. 110–111.

⁷ Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. С. 111.

⁸ Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. С. 111.

⁹ Фесенкова Л. Сциентизация эзотерики и псевдонаука. // Социологические исследования, № 2, 2004. С. 92.

¹⁰ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социальное как иррациональное? // Новое литературное обозрение, № 1, 2007. С. 216.

¹¹ Menzel B. Introduction. // The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimension. / Edited by Menzel B., Hagemeyer M. and Rosenthal B. G. – Verlag Otto Sagner, 2012. Pp. 14–15.

тельной посылке: приравнивании «невероятного» к религиозному (пусть и нетрадиционному). Собственно, на данный момент это основной способ разговора о «советском невероятном»: Биргит Менцель пишет о советской «оккультуре»¹², Евгений Кучинов делает обзор «эзотерических НИИ Советского Союза»¹³, Илья Кукулин обозначает «невероятное» как «советский нью-эйдж»¹⁴, Александр Панченко рассуждает об «эре Водолея для строителей коммунизма»¹⁵, а Николай Митрохин связывает «религиозность и паранауку в СССР»¹⁶. У подобного подхода есть своя (уже довольно почтенная) история; можно вспомнить, что еще в 1989 году, в известном сборнике «На пути к свободе совести», составленном Дмитрием Фурманом и отцом Марком (Смирновым), упоминавшийся выше Борис Фаликов описывал «невероятное» как «неомистицизм в СССР»¹⁷; можно отступить еще дальше и указать на важную книгу 1965 года «Современная мистика в свете науки», на страницах которой главный советский специалист по научному атеизму Михаил Шахнович интерпретировал исследования телепатии и палеовизита в качестве манифестаций именно религиозного сознания¹⁸.

При всей значимости упомянутых работ и множестве действительно важных выводов, сделанных в них, мы считаем, что использование религиозоведческой терминологии («нью-эйдж», «оккультура», «эзотерика», «мистицизм» и т. п.) направляет анализ «советского невероятного» по принципиально неверному пути. «Жажда веры» и «духовный вакуум» не имели почти никакого отношения к формированию и последующему функционированию дискурса о «невероятном» – однако для понимания этого необходимо указать на социальную сверхдетерминированность данного дискурса и на его *классовую принадлежность*.

Разумеется, в СССР всегда существовали группы людей, чью деятельность проще всего описывать как религиозную: это и жители глухих деревень, регулярно прибегавшие к услугам знахарей, и верующие тех или иных традиционных конфессий (от православия до буддизма), и утонченные читатели Рене Генона и Юлиуса Эвола, а также теософы, антропософы, сатанисты, составители гороскопов, поклонники тантрического секса, потребители психоделических веществ и проч¹⁹. Однако все эти группы были сравнительно невелики (а порой и ничтожно малы), а дискурс о «невероятном» никогда не являлся *их дискурсом* (то есть они не играли практически никакой роли в его создании, воспроизводстве и распространении). Возникновение и функционирование «советского невероятного» следует связывать с другой, гораздо более многочисленной и влиятельной социальной группой – *советской городской интеллигенцией*. Продукт ускоренной модернизации России, предпринятой сталинизмом, городская интеллигенция была очень разной; после завершения Великой Отечественной войны самой заметной ее частью оказались знаменитые «итээры», инженерно-технические работники (ИТР), призванные продолжать амбициозный проект индустриального строительства в СССР. Согласно классическому исследованию Веры Данэм, эта группа выдвинулась в результате так называемой «большой сделки» (*big deal*) – процесса *покупки лояльности* технических специалистов, инициированного во второй половине сороковых годов сталинским Политбюро, искавшим соци-

¹² Menzel B. Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s. // The New Age of Russia. P. 169.

¹³ Кучинов Е. Узлы Квесалида: путеводитель по эзотерическим НИИ Советского Союза. URL: <https://sreda.v-a-c.org/read-01-ru/>.

¹⁴ Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции. // Новое литературное обозрение, № 3, 2017.

¹⁵ Панченко А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма. // Новое литературное обозрение, № 1, 2018.

¹⁶ Митрохин Н. Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах. // Новое литературное обозрение, № 3, 2020.

¹⁷ Фаликов Б. Указ. соч. С. 478.

¹⁸ Шахнович М. Современная мистика в свете науки. – Москва-Ленинград: Наука, 1965. С. 172–206.

¹⁹ Menzel B. Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s.

альную опору в условиях послевоенной нестабильности²⁰. Чуть позже, в начале пятидесятых, начался «лавинообразный рост числа молодых инженеров и научных исследователей»²¹, связанный как с необходимостью решения ряда конкретных задач по укреплению обороноспособности страны в условиях холодной войны (речь здесь следует вести прежде всего о советском атомном проекте), так и с более общими потребностями стремительно развивающейся и усложняющейся плановой экономики. Как полагает Кэтрин Вердери, роль интеллектуала вообще гораздо важнее именно в коммунистических режимах²²; восхождение класса советских научно-технических работников привело к тому, что взгляды этого класса на прошлое, настоящее и будущее стали чрезвычайно широко распространены в позднесоветском обществе, стали, по сути, взглядами самого этого общества. Вот почему и за лабильными «семейными сходствами» тех или иных «невероятных феноменов» почти всегда угадывается (вполне устойчивая) физиономия *конкретной социальной страты*.

Именно эта страта – выпускники технических вузов, работники множества НИИ и КБ, бесчисленные младшие и старшие научные сотрудники, лаборанты и аспиранты, кандидаты и доктора наук, членкоры и академики, читатели научно-фантастических произведений, зрители научно-популярных фильмов и передач, подписчики и авторы научно-популярных журналов, прогрессивные мечтатели и технооптимисты – и оказалась той особой средой, в которой создавался, развивался и распространялся дискурс о «невероятном». И хотя отдельные исследования «невероятного» велись советскими учеными и в довоенное время, только в пятидесятые годы, вследствие уже упомянутого роста числа ИТР, увеличения тиражей научно-популярных журналов и научно-популярных книг, общего роста внимания к научному знанию и к (по настоящему выдающимся) научным достижениям Советского Союза, дискуссии о «невероятном» становятся массовым, социально и культурно значимым явлением. При этом – несмотря на то, что решающую роль в формировании дискурса о «невероятном» играли научные работники и технические специалисты, – сам дискурс не был узкопрофессиональным; наоборот – он был публичным и инклюзивным. Говоря о «советском невероятном», мы говорим не о фактах науки или техники, но о *фактах культуры* – массовой популярной культуры периода позднего социализма, выражавшей ценности и устремления класса советских ИТР.

Тем не менее специфическая классовая принадлежность вела к тому, что важной особенностью дискурса о «невероятном» оказывалась его изначальная переплетенность, спутанность с дискурсом научного просвещения и научных успехов СССР²³. Советский культ науки часто связывают с эпохой хрущевской оттепели, однако на самом деле он был почти целиком инициирован сталинизмом, остро нуждавшимся в миллионах специалистов для решения военно-промышленных задач: Всесоюзное общество «Знание» с тысячами лекторов, просвещавших население, создано в 1947 году, многие известные научно-популярные журналы начали выходить задолго до 1953 года («Знание – сила» выходит с 1926 года, «Техника – молодежи» с 1933-го, «Наука и жизнь» перезапущена в 1934-м, «Вокруг света» – в 1927-м). Ирония в том, что чем дальше, тем чаще эта мощная государственная машина просвещения соединяла проверенное знание с непроверенным и невероятным, а научное – с паранаучным и квазирелигиозным; шедший уже в сороковые и пятидесятые, процесс этот значительно ускорился в шестидесятых, когда на лекциях по астрономии можно было услышать вопросы про летающие тарелки, занятия по антирелигиозной пропаганде завершались разговорами о природе телепатии, а в научно-популярных журналах непринужденно соседствовали строгие статьи ученых, восторженные очерки журналистов, визионерские видения писателей-фантастов и смелые гипотезы рядовых

²⁰ Dunham V. In Stalin's Time. Middleclass values in Soviet Fiction. – Duke University Press Books, 1990. Pp. 3–23.

²¹ Кукулин И. Указ. соч. С. 61.

²² Verdery K. National Ideology under Socialism. – Berkley University of California Press, 1995. P. 85.

²³ Голубев А. НЛО над планетарием: эпистемологическая пропаганда и альтернативные формы знаний о космосе в СССР в 1940–1960 годы. // Вестник Пермского университета. История, № 3 (54), 2021.

читателей. Однако сама эта склонность к смелым гипотезам (а что, если Тунгусский метеорит состоял из антивещества? а что, если снежный человек был инопланетянином?) тоже была результатом широкой пропаганды просвещения и упорно пестуемых идей о всесии науки, была проявлением совершенно особого, нового типа самости²⁴, подразумевающего активное, пытливое, заинтересованное и исследовательское отношение к окружающей реальности. Дискурс о «невероятном» успешно функционировал и распространялся потому, что в его основании лежал ряд совершенно конкретных «эпистемических добродетелей» (то есть добродетелей, которые «проповедуются и практикуются для того, чтобы познать мир, а не себя»²⁵) – добродетелей, глубоко усвоенных населением СССР и связанных именно с наукой, с признанием ценности экспериментального исследования и научного метода в целом.

Дело, таким образом, заключалось вовсе не в недостатке («вакууме»), но в *избытке* – избытке научного оптимизма; и наиболее проницательные критики «невероятного» уже отмечали этот момент: «Как ни парадоксально, безоглядная вера в чудо была подготовлена и бытовавшей в прошлом массовой небрежной популяризацией достижений советской науки под лозунгами “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” и “Нам нет преград”»²⁶. Вот почему даже в самых обскурантистских проявлениях «советского невероятного» всегда обнаруживается вполне рациональная подоплека. Так, например, популярность «зарядки воды», проводимой экстрасенсом Алланом Чумаком, отнюдь не обязательно свидетельствует о невежестве зрителей, в 1989 году выставивших банки перед экранами телевизоров. В этой необычной практике советских граждан можно с равными основаниями увидеть и галилеевскую пытливость (интересно, сумеет ли Чумаков действительно «зарядить» воду?), и своего рода паскалевское пари (в случае, если вода «зарядится», станет целебной, возможные выгоды окажутся гораздо больше понесенных издержек), и даже ироничный прагматизм в духе Нильса Бора («подкова приносит удачу независимо от того, верите вы в это или нет»).

Но, повторимся, хотя «советское невероятное» активно апеллировало к успехам науки, само по себе оно располагалось *в области культуры* – и именно поэтому не имеет смысла говорить о проблеме демаркации (строгом отделении друг от друга научных, псевдонаучных и религиозных элементов) в отношении «невероятного». Мало того что современные нам версии отделения научного от ненаучного чаще всего *не соответствуют* картине мира советских людей (так, например, в сороковые годы растительный покров Марса считался чем-то гораздо более реальным, чем запуск человека в космос; исследования телепатии велись тогда же, когда запрещалась генетика, и проч.) – сам факт такого отделения ведет к утрате специфики и к распаду контекста, и мы рискуем упустить что-то важное в идейном и культурном универсуме позднесоветского человека. Человека, жившего и работавшего в очень своеобразной атмосфере (соединявшей исторический оптимизм марксизма-ленинизма с триумфальным шествием естественных наук), где *равно вероятными* – а значит, и равно «невероятными» – казались запуск ракет и прилет инопланетян, миры из антиматерии и жизнь на Марсе, свойства изотопов и существование биополя, лазерная хирургия глаза и лечение ледяной водой, небелковые формы жизни и целебное дыхание йогов, поимка нейтрино и гибель Атлантиды, черные дыры и палеовизит, токамак и телекинез. Все эти феномены, выглядящие сегодня столь непохожими, запросто объединялись в сознании советских ИТР благодаря двум «фамильным чертам»: во-первых, они были загадочными; во-вторых, они непременно *подлежали разгадке*. («Необъяснимо? Пока да»²⁷, – гласит в 1967 году заголовок статьи в журнале «Смена», посвященной съезду парапсихологов в Москве; именно модус «пока», каждую минуту готового

²⁴ Дастон Л., Галисон П. Объективность. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 79–85.

²⁵ Дастон Л., Галисон П. Объективность. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 85.

²⁶ Александров Е. Проблемы экспансии лженауки. // В защиту науки. Бюллетень № 1, 2006. С. 15.

²⁷ Необъяснимо? Пока да. // Смена, № 952, 1967. С. 28–29.

перейти в «уже», определял внутреннее напряжение, присущее «советскому невероятному» и делающее его столь привлекательным.) Иногда околonaучный, а иногда почти фантастический, дискурс о «невероятном», однако, питался именно верой советских граждан во всемогущество науки и техники; класс научно-технических работников, к концу пятидесятых годов успешно решивший критически важные для безопасности СССР вопросы создания межконтинентальных ракет и атомного оружия²⁸, не без оснований чувствовал себя творцом истории, и потому с азартом коллекционировал *любые* возможные тайны (будь то странные радиосигналы из созвездия Пегаса или лечебные эффекты акупунктуры) – тайны, которые *предстояло раскрыть*, основываясь на строгом знании законов природы. Как писал в 1961 году Даниил Данин: «Детерминизм диалектический – подлинный, марксовый, ленинский <...> не может отдавать предпочтение одним формам физических законов и отказывать в истинности другим <...> Были бы только законы действительно физическими – не взятыми с потолка»²⁹.

Резервуаром, в котором – до поры до времени – накапливались и сохранялись подобные тайны и загадки, как раз и было «советское невероятное», огромный массив разнородных текстов, вызывавших живой интерес публики: газетные передовицы, журнальные статьи, научно-популярные очерки, фантастические рассказы, перепечатки подпольных лекций, расшифровки «круглых столов», стенограммы выступлений крупных ученых, обзоры работ научных лабораторий и даже материалы некоторых громких судебных слушаний.

И здесь нужно отметить, что чаще всего «загадочные феномены», конституировавшие «советское невероятное», вовсе не являлись чем-то автохтонным, доморощенным и сугубо советским; про «обитаемый Марс» в Европе и США широко говорили с 1908 года, после выхода книги Персиваля Лоуэлла («Марс и жизнь на нем») о «марсианских каналах»³⁰; «гибель Атлантиды» стала модной темой еще раньше благодаря работе Игнатиуса Доннелли «Атлантида: мир до потопа», опубликованной в 1882 году³¹; термин «телепатия» был предложен в 1886 году Фредериком Майерсом³² и т. д. Однако попадая – спустя десятки лет – в идеологически заряженную атмосферу советского послевоенного технооптимизма, все эти почтенные сюжеты *абсолютно преображались*: даже самые причудливые и фантастические из них рассматривались советскими ИТР очень серьезно и начинали функционировать в публичном поле как своего рода «нулевые гипотезы», непременно подлежащие строгой научной проверке. Иногда такие гипотезы довольно быстро отсеивались на идеологическом уровне, иногда до их проверки просто не доходили руки, но иногда проверка действительно организовывалась силами тех или иных комиссий, экспедиций или институтов (так, для обоснования возможности жизни на Марсе астроном Гавриил Тихов создает целую отрасль науки – «астроботанику»; занимающийся поисками Атлантиды химик Николай Жиров пишет фундаментальный учебник «Атлантида. Основные проблемы атлантологии»; вопрос об организации экспедиции на Памир для поисков йети решается в 1958 году на уровне Президиума АН СССР и т. д.). Практика подобных проверок и общее накопление знаний вели к тому, что одни «невероятные феномены» (растительность на Марсе) когда-то опровергались, другие, наоборот, подтверждались (нейтрино) и переходили в ведение твердой науки, а третьи (спиритизм) молчаливо вытеснялись в смутные области эзотерического. Однако в «советском невероятном» всегда продолжало существовать некоторое ядро сюжетов – ряд «нулевых гипотез», которые не могли быть

²⁸ Josephson P. R. Rockets, Reactors, and Soviet Culture. // Science and the Soviet Social Order. / Edited by Graham L. R. – Harvard University Press, 1990. Pp. 168–194.

²⁹ Данин Д. Неизбежность странного мира. – М.: Молодая гвардия, 1961. С. 322.

³⁰ Lowell P. Mars as the Abode of Life. – N.Y.: The Macmillan company, 1908.

³¹ Donnelly I. Atlantis, the Antediluvian World. – N.Y.: Harper and Brothers, 1882.

³² Gurney E., Myers F., Podmore F. Phantasms of the Living. – London: Rooms of the Society for psychical research; Trübner and Co., 1886.

ни опровергнуты, ни подтверждены, и к которым поэтому снова и снова, на протяжении десятилетий, обращались умы исследователей и энтузиастов.

В задачи нашей работы не входит оценка «нулевых гипотез» «советского невероятного» с позиций современной науки. Цель состоит в том, чтобы *описать само множество таких «нулевых гипотез»*, увидеть череду сменяющих друг друга *ансамблей* этих гипотез.

Чем может быть полезно такое описание?

Дело в том, что ядро «советского невероятного» тоже не было постоянным – его строение и состав медленно *менялись с течением времени*. Под действием каких сил происходили такие изменения? Случайно ли то, что в пятидесятые годы население СССР больше всего говорило о Тунгусском метеорите, в шестидесятые – о летающих тарелках, в семидесятые – о йоге, а в восьмидесятые – об экстрасенсорике? Реконструируя дебаты и публичную историю «советского невероятного», воссоздавая «ансамбли нулевых гипотез» (сокрытые ныне в сумраке научно-популярных книг и журналов эпохи позднего социализма), мы попробуем показать, что подобные изменения подчинялись *определенной исторической логике* – и первыми, кто пытался вообразить и осознать эту логику, были, разумеется, сами советские граждане. Как хорошо известно из работ Луи Альтюссера, воображаемое отношение людей к реальным условиям существования называется «идеологией»³³. Данная формула позволяет скорректировать распространенное мнение о «внеидеологичности» большинства жителей позднего СССР, сформированное неверным прочтением влиятельной книги Алексея Юрчака про «последнее советское поколение». Согласно Юрчаку, в семидесятые и восьмидесятые годы увеличивающаяся громоздкость официальной идеологии марксизма-ленинизма (постоянные демонстрации, парады, празднования, отчеты об успехах и проч.) парадоксальным образом приводила к образованию множества «вненаходимых пространств», от этой идеологии независимых (кружки радиолюбителей, литературные студии, альпинистские лагеря, клубы самодетельной песни, разнообразные субкультуры и проч.); пространств, в которых советские люди чувствовали себя почти свободными от давления авторитетного государственного дискурса и могли жить интересной, полноценной, «нормальной» жизнью³⁴. Однако тот факт, что из «вненаходимых пространств» была успешно изгнана официальная идеология коммунистического строительства, вовсе не означает их внеидеологичности. Скорее, речь следует вести *о каких-то других, новых идеологиях*, заполнявших эти пространства.

О каких же именно?

Для ответа на этот вопрос мы и будем исследовать дискурс о «невероятном».

Разумеется, само по себе «советское невероятное» *не являлось* идеологией; однако сегодня оно, говоря словами того же Альтюссера, «дает нам видеть <...> идеологию, из которой оно рождается»³⁵. Подвижные и чуткие, «ансамбли нулевых гипотез» «советского невероятного» функционируют как удобный инструмент, позволяющий проводить *диахронический анализ идеологии позднесоветских образованных граждан*. В целом это была идеология людей модерна, но суть дела, как обычно, в деталях, в незаметно изменяющихся модусах мышления, в едва уловимых смещениях интересов – словом, во множестве частных сюжетов, которые только предстоит описать. Как уже отмечалось выше, дискурс о «невероятном», представляющий собой сложную амальгаму множества гетерогенных (но при этом всегда в чем-то схожих) элементов, вряд ли может быть успешно разобран на составные части религиозного, научного и псевдонаучного; вместо этого мы используем метод «тематических сечений», прочертим три основных «тематических меридиана» «советского невероятного», идущих параллельно друг

³³ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). // Неприкосновенный запас, № 3, 2011.

³⁴ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

³⁵ Альтюссер Л. Письмо о познании искусства (ответ Андре Даспури). URL: <https://artguide.com/-posts/1693>.

другу от полюса софт-милитантности высокого сталинизма (конец сороковых) к полюсу криптобуржуазности позднего застоя (начало восьмидесятых). Единство каждого из этих меридианов «невероятного» поддерживается теми или иными «фамильными чертами»: так, первый меридиан (меридиан «А», «меридиан имени М. М. Агреста») связан с вопросами *пространства* (вокруг тела советского человека) – и наиболее ярким образом «невероятного» пространства был в СССР, разумеется, космос; второй меридиан (меридиан «Б», «меридиан имени В. В. Бродова») соотнесен с *телом* советского человека и объединяет прежде всего разнообразные тайны здоровья и методы оздоровления; наконец, третий меридиан (меридиан «В», «меридиан имени Л. Л. Васильева») говорит о *психике* (внутри тела советского человека), «невероятные» эффекты которой объединялись под вывеской парапсихологии. Такое деление определяет всю дальнейшую структуру нашей книги, состоящей из трех частей; последовательно описывая материк «советского невероятного», двигаясь вдоль трех основных его меридианов, отслеживая изменения «ансамблей нулевых гипотез» на каждом из них, мы попробуем понять что-то новое обо всем позднесоветском обществе – обществе, чьи ценности, традиции, предрассудки, озарения и заблуждения продолжают влиять и на сегодняшнюю Россию.

Впрочем, даже без апелляций к современности следует указать, что:

1) анализ «советского невероятного» (многократно отражавшегося как в высокой, так и в популярной культуре) представляется удобным способом еще раз посмотреть на поздний СССР – под неожиданным ракурсом, позволяющим задать вопросы и обозначить проблемы, не видимые в любой другой исследовательской оптике;

2) гипотезы и теории, регулярно возникавшие в недрах «советского невероятного», часто оказываются *очень интересными сами по себе*. Качество такой интересности, по нашему мнению, и есть главная (необходимая и достаточная) причина для изучения не только советской уфологии или советской теории палеовизита, но вообще любого на свете объекта.

Меридиан «А» (имени М. М. Агреста)

Меридиан имени Матеста Менделевича Агреста – это меридиан, пересекающий проявления «советского невероятного» в области исследований, проектов, фантазий и умозрений, связанных с космосом. Здесь нужно отметить, что хотя космическая эра началась только в 1957 году и в массовом сознании ассоциируется с хрущевской оттепелью, в действительности она была порождением сталинизма. Как указывает Мишель Смит, уже в тридцатые годы ракетная техника занимала «центральное место в городском пространстве Москвы: с лекциями и выставками в парке имени Горького, в городском Планетарии, в холле здания Гражданского Воздушного Флота (Аэрофлот), в штабе Красной Армии»³⁶. Сам термин «космонавтика» появляется в русском языке в 1937 году благодаря работе Ари Штернфельда «Введение в космонавтику»³⁷; в 1935 году выходит десятым изданием книга Якова Перельмана «Межпланетные путешествия»³⁸; в тридцатые же годы начинает оформляться и советский культ Константина Циолковского, объявленного «патриархом авиации и пионером астронавтики»³⁹. Увлечение ракетной техникой корреспондирует с общей воинственностью сталинизма и его склонностью к экспансии: «штурм небес» (который вели авиаторы), «штурм Севера» (которым занимались полярники) и «штурм недр» (осуществляемый геологами) должны быть продолжены грандиозным «штурмом Вселенной»⁴⁰. Удивительные настроения той эпохи – когда дети писали письма «дедушке Циолковскому»⁴¹, на русский переводили «Полет в мировое пространство» Макса Валье⁴² и «Проблему путешествия в мировом пространстве» Германа Поточника⁴³, а отечественные авторы создавали брошюры вроде «Зачем большевики летают в стратосферу»⁴⁴, – были заслонены начавшейся в 1941 году войной; но уже во второй половине сороковых новое поколение технических специалистов возобновит дискуссии о космических ракетах и реактивных двигателях. Следует подчеркнуть, что для множества молодых ИТР, восстанавливающих страну после Великой Отечественной войны, тема космоса – это, прежде всего, тема ракет, создаваемых в оборонных целях, а как раз рождающееся в те годы «советское невероятное» с самого начала отмечено знаками милитантности.

³⁶ Smith M. G. Stalinism and the Genesis of Cosmonautics. // Russian Science Fiction Literature and Cinema: a critical reader. / Edited and introduced by Banerjee A. – Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 204.

³⁷ Штернфельд А. Введение в космонавтику. – М., Л.: Издательство ОНТИ, 1937.

³⁸ Перельман Я. Межпланетные путешествия. 10-е изд. – М., Л.: Издательство ОНТИ, 1937.

³⁹ Smith. Op. cit. P. 206.

⁴⁰ Smith. Op. cit. P. 203.

⁴¹ Smith. Op. cit. P. 205.

⁴² Валье М. Полет в мировое пространство. – М., Л.: Издательство ОНТИ, 1936.

⁴³ Ноордунг Г. Проблема путешествия в мировом пространстве. – М.; Л.: Главная авиационная редакция, 1935.

⁴⁴ Коссов Б. Зачем большевики летают в стратосферу? – Л.: Ленпартиздат, 1933.

Глава 1. Софт-милитантность «невероятного»

Тремя важнейшими оборонными задачами, стоявшими перед СССР в 1945 году в контексте начинавшейся холодной войны, были разработка 1) атомного оружия, 2) ракетных носителей и 3) системы противовоздушной обороны⁴⁵. Каждая из этих задач (для решения которых привлекались тысячи научно-технических специалистов) по-разному повлияла на контуры «советского невероятного»: создание ракет привело в конце концов к полету Юрия Гагарина и к мечтам о покорении других планет; развитие радиолокации, необходимой для нужд ПВО, оказалось полезно при поиске сигналов от внеземных цивилизаций; но парадоксальнее всего проявила себя в дискурсе о «невероятном» тема атомной бомбы.

Казалось бы, атомная бомба не связана с космосом напрямую, однако именно шок от атомных бомбардировок Соединенными Штатами Хиросимы и Нагасаки лежит в основе целой области «советского невероятного», ярко засиявшей в 1947 году. И если в самих США в этот год говорили о «летающих тарелках», увиденных Кеннетом Арнольдом, то жителей Москвы будоражила публичная лекция «Загадки Тунгусского метеорита», которую читал в Московском Планетарии молодой астроном Феликс Зигель. Планетарий вообще являлся чрезвычайно притягательным местом; как вспоминал астроном Александр Гурштейн: «В те годы в умах московских школьников царили два блистательных лектора – доцент Феликс Юрьевич Зигель (1920–1988) и Юрий Фомич Метт <...> [Зигель] доказывал, что Тунгусское падение – это авария межпланетного транспортного корабля инопланетян. Его лекция в Планетарии на эту тему строилась на основе как бы случайного спора со случайными зрителями (подставной партнер играл военного, утверждавшего, что взрыв на Тунгуске похож на атомный взрыв в Хиросиме). Лекция имела оглушительный успех, лишние билеты в Планетарий спрашивали за несколько троллейбусных остановок»⁴⁶. Впрочем, автором постановки являлся не Зигель, а его старший товарищ, писатель-фантаст Александр Казанцев. Впервые Казанцев высказал свою идею в декабре 1945 года на собрании московских писателей, а в 1946 году опубликовал ее в журнале «Вокруг света» в форме фантастического рассказа «Взрыв». Важно здесь то, что *исходный импульс*, породивший в итоге и рассказ в журнале, и лекцию в Планетарии, датировался совершенно точно – 6 августа 1945 года:

...дождливым августом 1945 года я услышал по трофейному радиоприемнику сообщение на английском языке о том, что на Хиросиму сброшена атомная бомба. Потряс и сам факт бесчеловечного уничтожения мирного населения города, и подробности взрыва: ослепительный шар ярче солнца, огненный столб, пронзивший облака, черный гриб над ним и раскаты грома, слышные за сотни километров, сотрясения земной коры от земной и воздушной волн, отмеченные дважды сейсмическими станциями. Все эти детали были знакомы мне еще со студенческой поры, со времен увлечения тунгусской эпопеей Кулика, когда тот искал в тайге Тунгусский метеорит⁴⁷.

И хотя изначально в публичном поле Казанцев подает свою идею как «фантастическую», в действительности им проведена довольно серьезная исследовательская работа; он обращает внимание на область не поваленного леса в самом центре падения Тунгусского метеорита, он консультируется по вопросам ядерных реакций с известными физиками, академиками Львом

⁴⁵ Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. – М.: РОССПЭН, 2011. С. 53.

⁴⁶ Гурштейн А. Московский астроном на заре космического века: автобиографические заметки. – М.: Изд-во Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева РАМН, 2012. С. 116.

⁴⁷ Казанцев А. Пунктир воспоминаний. // Лыды возвращаются. – М.: Молодая гвардия, 1981. С. 511.

Ландау и Игорем Таммом, он учитывает результаты экспедиции Леонида Кулика (первого исследователя Тунгусского метеорита, погибшего на фронте) и работы известного астронома, академика Василия Фесенкова, он сравнивает сейсмограммы тунгусской катастрофы и атомных взрывов в Японии: «Они оказались похожими, как близнецы»⁴⁸. Кроме того, ни кратер от падения, ни осколки самого метеорита не были найдены – все вместе это позволяет Казанцеву предположить, что в 1908 году в воздухе над Тунгуской взорвался инопланетный корабль, оборудованный атомными двигателями. Впрочем, хотя заключительный пуант о потерпевшем крушение космическом корабле пришельцев очень эффектен («Не исключена возможность, что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, использовавшем атомную энергию»⁴⁹) и порождает множество горячих откликов, все же для самого Александра Казанцева Тунгусский метеорит является способом говорить об *атомной угрозе* (как раз нависающей над СССР) – причем разговор этот может вестись в разных регистрах, от обсуждения отдельных технических решений («Да, самое трудное, что американцам пришлось сделать, – это затормозить нейтроны. И в этом они вряд ли обошлись без тяжелой воды»⁵⁰) до мрачного живописания последствий произошедшей катастрофы: «небывалые разрушения и настоящее землетрясение», «ослепительный шар газов, раскаленных до температуры в десятки миллионов градусов, который превратился затем при стремительном взлете в огненный столб, видимый за 400 километров», «Бедные эвенки оказались жертвами атомного распада мельчайших остатков вещества метеорита, рассыпанных в районе катастрофы»⁵¹ и т. д.

Чтение публичной лекции о загадках Тунгусского метеорита продолжается недолго; на шумиху обращает внимание Комитет по метеоритам АН СССР, возглавляемый упоминавшимся выше академиком Василием Фесенковым. В мае 1948 года в газете «Московский комсомолец» выходит статья астрономов Евгения Кринова и Кирилла Станюковича и геофизика Всеволода Федынского «О так называемой “загадке” Тунгусского метеорита» с критикой взглядов Казанцева⁵²: среди прочего его обвиняют в злоупотреблении «жуткими подробностями взрывов американских атомных бомб» и в нагнетании «атомного психоза»⁵³. В сентябре 1948-го журнал «Техника – молодежи» печатает статью и открытое письмо в защиту Казанцева, подписанное директором Пулковской обсерватории, членом-корреспондентом АН СССР Александром Михайловым, астрономами, докторами наук Павлом Паренаго, Борисом Воронцовым-Вельяминовым и другими⁵⁴. В октябре 1950 года в журнале «Знание – сила» публикуется рассказ фантаста Бориса Ляпунова «Из глубины Вселенной», также объясняющий Тунгусскую катастрофу аварией космического корабля инопланетян⁵⁵. Фесенков и Кринов в 1951 году отвечают публикациями в «Науке и жизни»⁵⁶ и в «Литературной газете»:

Это был действительно метеорит, а не космический корабль. Взрыв тунгусского метеорита произошел не на высоте нескольких сотен метров, как фантазирует А. Казанцев, а при ударе о земную поверхность. Образовавшийся первоначально кратер быстро наполнился водой. Итак, никакой загадки

⁴⁸ Казанцев А. Пунктир воспоминаний. // Льды возвращаются. – М.: Молодая гвардия, 1981. С. 512.

⁴⁹ Казанцев А. Взрыв. // Вокруг света, № 1, 1946. С. 46.

⁵⁰ Казанцев А. Взрыв. // Вокруг света, № 1, 1946. С. 43.

⁵¹ Казанцев А. Взрыв. // Вокруг света, № 1, 1946. С. 42.

⁵² Станюкович К., Федынский В., Кринов Е. О так называемой «загадке» Тунгусского метеорита. // Московский комсомолец, 29.05.1948.

⁵³ Станюкович К., Федынский В., Кринов Е. Указ. соч.

⁵⁴ Баратова С. О фантастике и людях без крыльев. // Техника – молодежи, № 9, 1948. С. 27.

⁵⁵ Ляпунов Б. Из глубины Вселенной. // Знание – сила, № 10, 1950. С. 4–7.

⁵⁶ Фесенков В., Михайлов А., Кринов Е., Станюкович К., Федынский В. О Тунгусском метеорите. // Наука и жизнь, № 9, 1951.

Тунгусский метеорит не представляет и его природа не вызывает никаких сомнений⁵⁷.

При этом сама неистребимость подобных споров, сама увлеченность людей гипотезой о корабле пришельцев (астроном Виталий Бронштэн вспоминал возмущенные вопросы публики: «Зачем вы все время говорите о метеорите, когда *доказано*, что это был межпланетный корабль?»⁵⁸), сама готовность обсуждать возможный визит инопланетян возникают отнюдь не на пустом месте: в массе своей советские граждане *убеждены в обитаемости космоса*.

Такая убежденность в начале пятидесятих основывается 1) на некоторых замечаниях из «Диалектики природы» Энгельса (о том, что вечно превращающаяся материя с «железной необходимостью» порождает мыслящий дух), 2) на радикальном неприятии в СССР «идеалистической» теории Большого взрыва (предполагавшей *конечность* Вселенной во времени и пространстве)⁵⁹ и 3) на крахе влиятельной гипотезы астронома Джеймса Джинса о возникновении планет из вещества, выброшенного Солнцем под действием проходившей близко звезды. Поскольку прохождение звезд рядом друг с другом является исключительным событием, гипотеза Джинса подразумевала чрезвычайную редкость образования планет – с чем никак не могли согласиться советские ученые. В 1943 году астроном Николай Парийский публикует расчеты, опровергающие гипотезу Джинса, в 1949 году с ее критикой выступает академик Отто Шмидт в работе «Происхождение Земли и планет»⁶⁰. Отказ от гипотезы Джинса в соединении с идеей бесконечной Вселенной логично ведет к мыслям о бесконечном количестве планет и о *фактической неизбежности* возникновения жизни в космосе. Как несколькими годами позже подытожат такой ход рассуждений астроном Василий Фесенков и биолог Александр Опарин: «Даже в нашей Галактике, включающей примерно 150 миллиардов звезд, могут быть сотни тысяч планет, на которых возможно возникновение и развитие жизни. Во всей бесконечной Вселенной должно существовать также и бесконечное множество обитаемых планет»⁶¹. Тема возможной обитаемости планет чрезвычайно популярна; в частности, о ней активно пишут ленинградские астрономы Всеволод Шаронов («Есть ли жизнь на планетах», 1950⁶²) и Надежда Сытинская («Есть ли жизнь на небесных телах», 1949⁶³, «Есть ли жизнь на других планетах?», 1952⁶⁴), но самый большой интерес у публики вызывают, вне всякого сомнения, статьи и книги астронома, члена-корреспондента АН СССР Гавриила Тихова.

Когда-то учившийся в Париже и работавший в Москве, с 1941 года Тихов жил в Алма-Ате (куда отправился однажды наблюдать полное солнечное затмение) и работал в местном Астрофизическом институте; там в 1947 году ему удалось основать сектор астроботаники – новой науки, открытия которой восхищали советских граждан почти два десятилетия.

Исходное предположение Тихова заключалось в том, что наблюдаемые астрономами синие-фиолетовые марсианские «моря» представляют собой *участки растительности*. Пытаясь доказать эту гипотезу методами спектрографии, Тихов натолкнулся на ряд затруднений.

Важным оптическим свойством растений является сильное отражение инфракрасных лучей, по сути, отражение избыточного тепла, приходящего от Солнца (листва березы или хвоя ели на снимках в инфракрасном диапазоне выглядят ослепительно белыми), – однако инфракрасные снимки марсианских морей оказывались, наоборот, темными. Кроме того, растения

⁵⁷ Фесенков В., Кринов Е. Тунгусский метеорит или... марсианский корабль? // Литературная газета, 04.08.1951.

⁵⁸ Бронштэн В. Тунгусский метеорит: история исследования. – М.: Сельянов, 2000. С. 105.

⁵⁹ Огородников К. Против идеализма в астрономии. // Наука и жизнь, № 6, 1954.

⁶⁰ Шмидт О. Происхождение Земли и планет. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1949.

⁶¹ Опарин А., Фесенков В. Жизнь во Вселенной. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 223.

⁶² Шаронов В. Есть ли жизнь на планетах. – М.: Молодая гвардия, 1950.

⁶³ Сытинская Н. Есть ли жизнь на небесных телах. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.

⁶⁴ Сытинская Н. Есть ли жизнь на других планетах? – М.: Госкультпросветиздат, 1952.

должны иметь в своем спектре хорошо видимую полосу хлорофилла – на Марсе ее обнаружить не получилось⁶⁵. В 1945 году Тихов находит выход из ситуации: «Сделаем такое предположение: у растительности Марса оптические свойства иные, чем у земной»⁶⁶. Тихов считает, что в процессе приспособления к чрезвычайно холодному климату Марса местные растения научились гораздо меньше отражать инфракрасные лучи, несущие тепло, и гораздо лучше использовать солнечный свет, из-за чего узкая полоса хлорофилла стала более широкой и сместилась в длинноволновую часть спектра⁶⁷. Подтверждение своим догадкам о Марсе Тихов находит в работах Евгения Кринова, посвященных растениям земным:

Были взяты две пары растений: первая – зеленый овес и полярный можжевельник, вторая – береза и ель. Оказалось, что отражение инфракрасных лучей у хвойных растений – ели и можжевельника – в три раза меньше, чем у сфотографированных одновременно с ними березы и зеленого овса⁶⁸.

Таким образом, чем в более суровых условиях живет растение, тем меньше оно излучает в инфракрасном диапазоне; факт этот можно проверить на Земле. И во второй половине сороковых Тихов организует целый ряд экспедиций: в горы Памира, в Салехард, на Алтай⁶⁹. Астроботаникам действительно удается найти растения, почти не отражающие солнечное тепло и не имеющие полосы хлорофилла⁷⁰. На основании своих земных исследований Тихов уверенно рассуждает о цвете гипотетических марсианских растений: «Теперь стало ясно, почему растительность на Марсе имеет голубой, синий и даже фиолетовый цвет. Если в спектре растения ослаблены красные, оранжевые, желтые и зеленые лучи, то лучи голубые, синие и фиолетовые приобретают большее значение»⁷¹. Экспедиции Тихова, в ходе которых он обнаруживает холодолюбивые земные растения с голубоватым оттенком листьев («Вот, пожалуйста, все черты марсианки. Это – низко стелющееся растение, цветочки его голубоваты, листья его собрались в кучку подушечкой: они жмутся к земле и друг к другу, как жмутся живые существа в мороз, чтобы хоть немножко согреться»⁷²), и поэтические картины сине-фиолетовой марсианской флоры, которые он рисует, покоряют воображение читателей, а сам далекий Марс делают близким, почти родным и подозрительно похожим на российское Нечерноземье: «А наши севернорусские молодые сосенки в самом раннем возрасте совсем лиловые. Именно по тем же причинам “моря” на Марсе окрашены в голубовато-серый цвет»⁷³. (Показательно, что такое приписывание Марсу севернорусских пейзажей – «А когда-нибудь настанет день, и человек ступит своей ногой на поверхность Марса <...> Можжевельник, брусника, клюква напомнят путешественнику об оставленной им далекой Земле»⁷⁴ – происходит в годы идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом и *поиску русских приоритетов*.)

Как следствие, с конца сороковых растительная жизнь на Марсе кажется публике чем-то практически несомненным и неоспоримым. «Когда в будущем на Марс полетят ракетные корабли, межпланетные путешественники будут уже знать многое о растительности этой пер-

⁶⁵ Тихов Г. О растительности на Марсе. // Природа, № 2, 1947.

⁶⁶ Тихов Г. О растительности на Марсе. // Природа, № 2, 1947. С. 5.

⁶⁷ Тихов Г. Новое о планете Марс. ДАН СССР, Т. 49, № 2, 1945.

⁶⁸ Тихов Г. Астробиология. – М.: Молодая гвардия, 1953. С. 22.

⁶⁹ Тихов Г. Астробиология. – М.: Молодая гвардия, 1953. С. 25–28.

⁷⁰ Тихов Г. Астробиология. – М.: Молодая гвардия, 1953. С. 25.

⁷¹ Тихов Г. Астробиология. – М.: Молодая гвардия, 1953. С. 25.

⁷² Строгова Е. Звездный ботаник. // Огонек, № 42, 1947. С. 16.

⁷³ Строгова Е. Звездный ботаник. // Огонек, № 42, 1947. С. 16.

⁷⁴ Андреев К. На соседней планете. // Огонек, № 39, 1951. С. 21.

вой станции космоса», – восхищаются исследованиями Тихова в журнале «Знание – сила»⁷⁵; «На Марсе, несомненно, может существовать и растительный, и животный мир», – уверенно отмечают в «Природе»⁷⁶; «Существование на Марсе растительности – ныне непреложный научный факт», – категорично пишут в «Огоньке»⁷⁷. В марте 1951 года Александр Казанцев публикует в «Технике – молодежи» новый фантастический рассказ «Гость из космоса», в котором соединяет гипотезу крушения инопланетного корабля над Тунгуской и основные положения теории Тихова: главный герой рассказа занимается астроботаникой для того, чтобы подтвердить реальность жизни на Марсе и доказать, что именно оттуда прилетел погибший космолет⁷⁸

⁷⁵ Травин Г. Звездная ботаника. // Знание – сила, № 9, 1947. С. 29.

⁷⁶ Понизовский Б. Есть ли жизнь на других планетах? // Природа, № 10, 1946. С. 7.

⁷⁷ Андреев К. Указ. соч. С. 21.

⁷⁸ Казанцев А. Гость из космоса. // Техника – молодежи, № 3, 1951.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.